

Павловский шнабзак

М. Преснухин

“Шнабзак” - мешок, который предназначался для хранения 3-х – 4-х дневного запаса хлеба в виде сухарей или свежесыпанных хлебов из расчета довольствия солдата тремя фунтами хлеба в день (0,405 кг x 3 = 1,215 кг).

Первоначально сухарный мешок предписывалось строить из фламского полотна с ремнем, сделанным из выслуживших сроки перевязей и портупей.

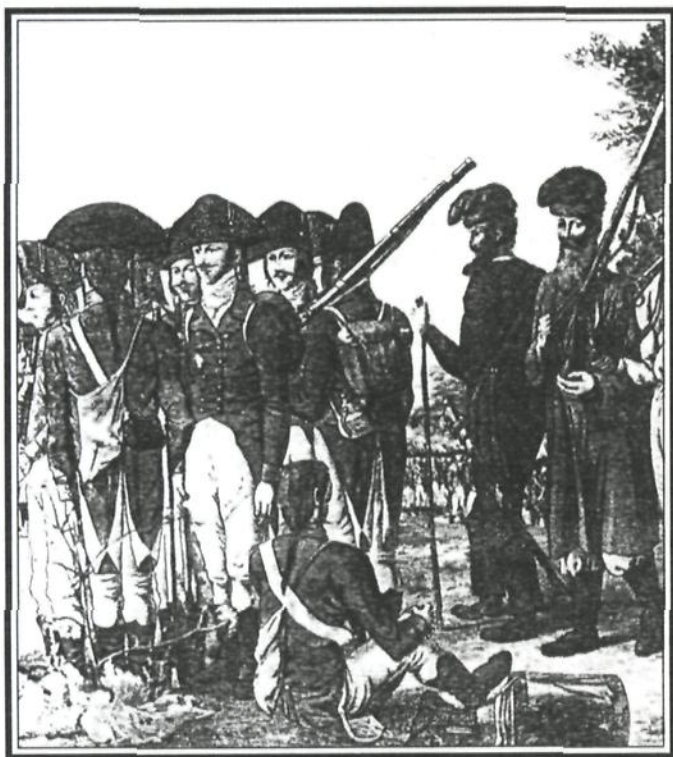
По новому Воинскому Уставу сухарный мешок должен был носиться на ремне через левое плечо под правой поллой мундира – для защиты от атмосферных воздействий, его срок службы назначался в 3 года, а цена составляла 20,5 коп. Их количество в полку или батальоне соответствовало числу ранцев.

Вскоре в новых табелях мундирных и амуниционных вещей “конфирмованных” 5-го января 1798 г. сухарные мешки уже предписывалось строить из “простой кожи черной или белой, какая случится может, лишь бы в полку пестроты не было, сшитых хотя и не и одной штуки...”. Срок службы назначался по-прежнему в 3 года, а цена возросла до 40 коп. Ремни для их ношения через правое плечо поверх мундира также должны были делаться из выслуживших сроки перевязей и портупей, а в егерских полках и из штучерных ремней.

Однако снабжение войск кожаными сухарными мешками нового образца затормозились из-за того, что цена на них была значительно занижена и поэтому не удавалось найти частных кожевенных поставщиков, способных выполнить государственные требования. Чтобы сократить издержки казны на производство сухарных мешков Павел I повелел проработать вариант их построения из ранцев старого “Екатерининского образца”. По предписанию Государственной коллегии от 23 февраля 1798 г. управляющему Комиссариатским Департаментом генерал-лейтенанту Вязмитинову было поручено разработать и представить образец переделанного из старого ранца сухарного мешка. И уже 3-го марта Вязмитинов представил на рассмотрение Главной Военной Коллегии три образца сухарного мешка:

первый – из белой новой цельной кожи;

второй – из черной кожи ранцев старого образца, которые были заготовлены и хранились в больших количествах в Комиссариатских

Современное изображение павловского шнабзака

ких Депо;

третий – из той же черной кожи ранцев старого образца, бывших в употреблении, но не выслуживших сроки отобранных из полков при перемене на ранцы нового образца.

Все три образца сухарного мешка были представлены императору им одобрены им. Главная Военная Коллегия согласилась на заготовление сухарных мешков всех трех образцов и приняла соответствующие меры, разослав по всем соответствующим инстанциям и в инспекции надлежащие указы.

Первый образец надлежало строить из цельного куска кожи сальной, а не дегтярной выделки и поставлять в полки не сшитыми, а кроенным товаром.

Второй образец выкраивался из кожи одного ранца, а третий из кожи двух бывших в употреблении ранцев. Пряжки для ремней 2-го и 3-го образца предполагалось использовать от тех же самых ранцев старого образца, даже несмотря на то, что по новым мундирным и амуниционным табелям они ни к какому использованию больше не назначались. Более того, было разрешено использовать старые пряжки даже если они были не сходны с пряжками 1-го эталонного образца. В случае же нехватки в комиссариатских депо необходимых пряжек на их постройку предполагалось отпускать денежные суммы из расчета по 2 коп. за штуку.

Хотя все основные требования к снабжению войск сухарными мешками были уже определены, но дело с мертвой точки не сдвигалось. Оставалось найти поставщиков раскроенных кож по требуемой в табелях цене, которая оказалась абсолютно нереальной. Сам Вязмитинов в переписке с комиссией Казанского Комиссариатского депо сообщал, что при изготовлении им эталонных образцов из одной белой яловичной кожи стоимостью 1 руб. 60 коп. вышло только 3 мешка.

Казанские кожевники соглашались поставлять кроенный товар по 68,5 коп. на мешок, да и то только 70 тыс. штук по истечении 9 месяцев. Естественно такое положение не устраивало Государственную Военную коллегию. Было решено, чтобы комиссия Московского комиссариатского депо созвала на открытые торги всех желающих получить подряд на поставку в армию сухарных мешков.

Первоначальная цена одного мешка, объявленная на торгах 14-го июня 1798 г. составляла 1 руб. 10 коп. почти в 3 раза больше по сравнению с табельной ценой. Но, в конце концов, в результате торгов нескольким московским купцам удалось сбить цену до 57 коп. за штуку для партии в 200 тыс. мешков. Еще одна группа купцов была готова поставить 100 тыс. штук по цене 58 коп.

Тогда “комиссия видя, что вышеписанная просимая цена по 57 коп. есть самая настоящая – без наималейшей передачи, находит надобность купить все 200 тыс. по 57 коп., да 100 тыс. по 58 коп...” РГВИА. Ф.12, ол.11, св.18а, д.464, л.12. Рапорт генерал-лейтенанта Турчанинова от 16 июня 1798 г.

Часть товара купцы обязались поставить через 4 месяца, а еще через 1 месяца окончательно выполнить заказ.

В свою очередь Киевский грендерский и Елецкий мушкетерский полки, произведя пробную переделку своими силами старых ранцев в сухарные мешки, сделали представления в комиссию комиссариатских депо своих инспекций: Киевской и Санкт-Петербургской соответственно. В них сообщалось, что переделка ранцев старого заготовления в сухарные мешки обошлась первому полку в 4 коп. за штуку, а второму – в 5 коп., и требовали оплату за произведенную работу.

Комиссии сделали представление в комиссариатскую экспедицию комиссариатского департамента, а та, в Государственную Военную коллегию. В результате чего и появился указ Его Императорского Величества от 25 октября 1798 г., о том, что впредь, на переделку старых ранцев в сухарные мешки и на пошив этих мешков из вновь поставляемого в полки кроеного товара, закупленного по 57 коп. за штуку, будут отпускатся деньги сходно требованию Киевского грендерского полка по 4 коп. на каждый мешок.

Указ б
ния све
Также
его кор
Назнач
ных во
загран
Хотя
осуше
пуса Р
ранцы
ют суд
пуса. Т
рапорт
до 180
рянны:
вещах,
Ф.263:
Пра
были,
тали, ю
ки, чех
кам бы
В еп
дивов
артилл
терь “
пряже
чески
Итали
кожан
дов ко
ределе
полка
Наи
У
ист
орук
кор
т.к.
Ник
“sa
пех
хот
Ник
В
лае
“
иск
Г
рус
го с
Оп
рус
мы
мо
Е
сос
кли
Г
при
чтс
том

Указ был разослан по всем коллегиям и инспекциям для доставления сведений о нем в полки.

Также, этот указ был послан генералу Розенбергу, но полкам его корпуса было уже не до переделки ранцев в сухарные мешки. Назначенные для участия в войне против Франции части различных войск под его командованием уже 13-го октября выступили в заграничный поход.

Хотя вполне вероятно, что в ходе подготовки к походу, которая осуществлялась едва ли не с начала лета, некоторым полкам корпуса Розенберга удалось по собственной инициативе перешить ранцы старого заготовления в сухарные мешки. Об этом позволяло судить сохранившиеся документы по отдельным частям корпуса. Так, в РГВИА, в фонде Муромского полка, был обнаружен рапорт о состоянии Смоленского (!) мушкетерского полка на начало 1800 г. В этом документе, среди прочего, сообщалось о потерянных во время кампании 1799 г. в Италии и Альпийского похода вещах, в том числе и о 483-х кожаных сухарных мешках. (РГВИА. Ф.2635, оп.1, д.83, л.10-11)

Правда потери железных пряжек к этим мешкам отмечены не были, хотя по другим предметам снаряжения указывались все детали, которые имели денежное выражение, т.е. крючки, петли, пряжки, чехлы и т.д. Можно предположить, что ремни к сухарным мешкам были пришиты наглухо.

В ещё одном документе "Ведомости... сколько... отбыто... мундиров и амуниционных вещей..." в артиллерийских ротах и полковых артиллерийских командах корпуса Розенберга указаны среди потерь "мешки сухарные", но без уточнения материала и наличия пряжек. (РГВИА. Ф. 12, оп. 4/63, св.297, д.391, л.5-6). Это практически всё, что известно по частям армии Суворова, воевавшей в Италии и Швейцарии в 1799 г., о наличии или отсутствии у них кожаных сухарных мешков. Основная коллекция документов фондов комиссариатской экспедиции, по которым можно было бы опрделенно узнать о постройке или потерях сухарных мешков в полках, была уничтожена в 19-20 вв.

Наиболее полно сохранились документы по потерянным во вре-

мя войны 1799 г. вещам для частей российской армии принимавших участие в Голландской экспедиции. Зачастую в них прямо указывается даже время изготовления сухарных мешков, цвет кожи, наличие ремней и пряжек (РГВИА. Ф.29, оп.1/453 (б), св.5, д.19, ч.1, л.34-35, 53-54, 64, 83. РГВИА. Ф.29, оп.1/453 (б), св.5, д.19, ч.2, л. 10, 41, 48, 68 и др.)

Одновременно с представлением Государственной Военной коллегией императору Павлу I трех образцов сухарных мешков, также был представлен новый способ крепления ранца к ремням сухарного мешка, который был утверждён Е.И. Высочеством Александром Павловичем по приказу Павла I: "...по надлежащем рассмотрении найдены, не только те сухарные мешки способными, но и образ пристегивания к оным ранцев к ношению удобным и потому апробированы...". (РГВИА. Ф.12, оп. 4/63, св.287, д.258, л.24) В чем заключалась суть этого нового способа ношения сказать трудно, можно только предположить, что и ранец и мешок носились на одном общем ремне к которому сначала сверху пристегивался с помощью двух небольших железных пряжек ранец, а затем концы ремня, пропущенные сквозь пряжки ранца, застегивались на двух пряжках сухарного мешка.

В "Историческом описании..." изданном в середине XIX в. под редакцией Висковатова приводится изображение образца сухарного мешка, сохранившегося в коллекции Собственного Арсенала Е. И. Высочества Великого князя Михаила Павловича, судьба трех эталонных образцов сухарного мешка хранившихся в собрании Комиссариатского Департамента Военного министерства неизвестна, поэтому приходится описывать первый образец, его размеры: длина – около 8,5 вершков, ширина – 7 вершков, глубина 0,75 вершка. Крышка застегивается на одну обтяжную пуговицу, для крепления ремня на боковых сторонах мешка пришиты две небольшие железные пряжки, хотя они первоначально и не предусматривались в табелях 5 января 1798 г., но как указывалось выше, позднее они были вновь введены с частичным использованием пряжек от ранца старого образца.

С любезного разрешения редакции журнала «Калашников» мы публикуем письмо И.Е. Карпова, которое, полагаем, будет не безинтересно читателям ВИЖ «Воин».

Уважаемая редакция журнала! Хотелось бы обратиться к вам со следующей просьбой, точнее - за разъяснением. Среди историков наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года в частности (как любителей, так и профессионалов, но не оружейников), давно ведется спор: какой из двух терминов по отношению к европейскому оружию считать верным и более корректным - "тесак" или "полусабля"? В русской терминологии XVIII-го и начала XIX-го веков существовал термин "тесак", т.к. насколько известно из литературы слово (как и термин) "полусабля" появилось в русском языке уже во время правления Николая I - а как быть с европейскими аналогами данного вида холодного оружия? У тех же французов существовал термин "sabre briquet", но он больше относится не к собственно тесаку, а комплекту "тесак-штык", располагавшемуся на перевязи пехотинца. Какой вариант более верен? Хотелось бы получить аргументированный ответ. Я понимаю, что хочу многого, но хотелось бы также услышать мнение ведущего специалиста в области истории холодного оружия Кулинского Александра Николаевича, если это конечно возможно.

С уважением, Карпов И.Е.

Вот как прокомментировал этот вопрос главный хранитель фондов Артиллерийского музея Санкт-Петербурга Александр Николаевич Кулинский.

"Суть вопроса, как мне представляется, заключается в следующем: как правильно называть европейское холодное оружие с искривленным клинком средней длины, использовавшееся в европейских армиях в XVIII-XIX вв.

Путаница в этом вопросе во многом объясняется особенностями оружейной терминологии в некоторых европейских языках и в русском языке. Далеко не во всех случаях прямой перевод по словарю позволяет правильно именовать тот или иной образец холодного оружия. Как правильно отметил читатель, французский термин "sabre briquet" относился к комплекту "холодное оружие-штык". Определяющая, главная часть этого термина все-таки "sabre" (сабля). Поэтому французский образец мы именуем саблей. А вот его русский аналог образца 1817 г. был изначально, в момент принятия на вооружение, назван тесаком, и именовался только так. Поэтому мы должны называть русский образец 1817 г. тесаком. Необходимо придерживаться официальных терминов, использовавшихся на момент принятия какого-либо образца на вооружение. Или, по крайней мере, оговаривать существование такого термина.

Возвращаясь к французской пехотной солдатской сабле обр. IX г и XI г, напомним, что ее незначительно переделанные варианты состояли на вооружении и в других европейских армиях. Все эти варианты официально именовались саблями, даже образцы с прямыми клинками! Это явствует из солидных монографий-определителей, изданных в этих странах. Так и следует именовать эти образцы.

В русской же оружейной лексике термин "полусабля" впервые стал использоваться, даже иногда в официальных документах, применительно к пехотной офицерской сабле обр. 1826г., но ни в кое случае не в момент принятия ее на вооружение! Не исключено, что такое полуофициальное наименование обр. 1826 г. получил из-за того, что он был значительно легче кавалерийской сабли и к тому же имел пехотную или шпажную (т.е. в лопасти) подвеску."

Журнал КАЛАШНИКОВ №5, 2004 г.